

ОТДѢЛЪ НЕОФИЦІАЛЬНЫЙ.

Бесѣды съ руководителемъ Спасовцевъ Назаромъ Шаровымъ.

Продолженіе *).

Разъясненія Миссіонера были прерваны однимъ изъ присутствовавшихъ на бесѣдѣ старообрядцевъ—начетчикомъ австрійской секты, Мартемьяномъ Новичковымъ. Всѣ тѣ измѣненія въ обрядахъ, которыя вы указываете, сказалъ онъ, производили вѣдь Св. Отцы—измѣненія въ литургіи сдѣланы были Василиемъ Великимъ и Златоустомъ,—и при томъ еще до VII Всел. собора, а послѣ VII Всел. собора, сказано, ни прибавить ни убавить.

Миссіонеръ. Вотъ видите, изъ среды самихъ старообрядцевъ нашелся человекъ, да еще начетчикъ, который, вопреки Шарову, уже соглашается съ нами, что церковь имѣла право отмѣнять и измѣнять обряды и обычаи церковные и пользовалась имъ; только онъ на какомъ-то основаніи думаетъ, что она имѣла право на это въ лицѣ свв. отцовъ и притомъ только до VII Всел. собора, а послѣ того почему-то утратила его. Но мы сейчасъ покажемъ, что этого права не утратила церковь и послѣ VII Всел. собора и пользовалась имъ. Постная тріодъ составлена и введена въ употребленіе церковное уже послѣ VII Всел. собора, какъ о томъ свидѣтельствуетъ и кн. о Вѣрѣ: „по седмомъ убо соборѣ Феодоръ Студитъ и братъ его Іосифъ фессалоницкїи книгу тріодъ написаста, взявше благовременіе отъ великаго ршемотворца Бозмы епискона Маіумскаго“ (л. 136). Октай получилъ

*) Смот. № 9 Саратовскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостей за 1895 годъ.

окончательный видъ и церковное употребленіе также послѣ VII Всл. собора, какъ свидѣтельствуемъ о томъ та же кв. о Вѣрѣ (л. 137). А первые 5-ть русскихъ патріарховъ развѣ были святыя, жили и управляли русск. церковію до VII Всл. собора? А между тѣмъ посмотрите, сколько приложеній, отъятій и вообще измѣненій произвели они въ русскихъ чинахъ и обрядахъ. Вотъ примѣръ. Въ патріаршихъ потребникахъ положенъ чинъ братотворенія. Въ Филаретовскомъ потребн. онъ изложенъ весьма кратко; онъ состоитъ изъ ектеніи — „миромъ Господу помолимся“, содержащей 5 прошеній, и двухъ молитвъ (потр. 1625, гл. 37 л. 486 и об.). А у п. Іоасафа этотъ же чинъ изложенъ несравненно пространнѣе. Онъ содержитъ: а) начало, б) ектенію изъ 15 прош., в) прокъмень, апостоль и евангеліе, г) ектенію — „Рцемъ вси“ — изъ 7 прош., возгласъ, д) еще двѣ молитвы, е) возгласъ, ж) „Господи, Господи, призи съ небеси и виждь“, з) Паси Израиля“, и) „се нынѣ что добро или что красно“ и проч. Спрашивается, на какомъ основаніи п. Іоасафъ всѣми этими „приложеніями“ распространилъ этотъ чинъ? Этотъ чинъ положенъ и въ потребникѣ Іосифовскомъ, но опять не въ томъ видѣ, какъ у Іоасафа. Іосифъ сократилъ его и изложилъ близко къ тому, какъ онъ изложенъ у Филарета. Спрашивается, на какомъ основаніи п. Іосифъ допустилъ это „отъятіе“? Мало того, „приложенія и отъятія“ патріархи допускали не только по отношенію къ частностямъ чиновъ, но и къ цѣлымъ чинамъ. Въ Филаретовскомъ потребникѣ положены, между прочимъ, слѣдующіе чины: — чинъ пещнаго дѣйствія (гл. 81, л. 1—7), чинъ страшнаго суда (гл. 83, л. 19—24), а въ другомъ Филаретовскомъ потребникѣ, какъ и потребникахъ Іоасафа и Іосифа, эти чины уже не положены. На какомъ основаніи сдѣлано это „отъятіе“? Какъ смѣло и рѣшительно поступали иногда патріархи въ этомъ отношеніи, показываетъ слѣдующее обстоятельство. Въ Филаретовскомъ потребникѣ положенъ чинъ священническаго

погребенія, а Іоасафъ I этотъ чинъ выбросилъ — въ своемъ потребнѣ. 1639 г. уже не положилъ (въ Іоасафовск. же потребникѣ 1636 г. онъ положенъ), повелѣвъ отпѣвать священниковъ мірскимъ погребеніемъ. Въ объясненіе того, почему чинъ сваящ. погребенія не положенъ въ потребникѣ, Іоасафъ говоритъ: „потому, что то погребеніе учино отъ еретика, Еремѣя попа болгарскаго, а въ греческихъ переводѣхъ его нѣтъ, такоже и въ старыхъ харатейныхъ и вписанныхъ встарыхъ, и малыя руси, яже вкїевскихъ нѣтъ же, и того ради положено здѣ въ сей книзѣ погребати священника мірскимъ погребеніемъ и никто же о семъ да соблажняется“ (Іоас. потр. 1639 г. л. 301 об.). Этимъ прямо и утверждаетъ (по отношенію къ этому чину ошибочно), что онъ положенъ безъ основанія, безъ провѣрки, произвольно, что и случалось нерѣдко, какъ случилось въ этотъ разъ и съ Іоасафомъ: чинъ священническаго погребенія въ Іосифовскомъ потребникѣ былъ снова положенъ. Было замѣчено, что чинъ братотворенія положенъ во всѣхъ патріаршихъ потребникахъ, между тѣмъ Іоасафъ и Іосифъ называютъ этотъ чинъ законопреступнымъ (Номок. пр. 162 л. 40, при Филар. потр.), а въ Іосифовской кормчей священнику за совершеніе этого чина положена церковная казнь (гл. 51, л. 549).

Итакъ, церковь пользовалась правомъ измѣнять обряды и послѣ VII Вселенскаго собора, какъ пользовалась имъ и до него, притомъ пользовалась имъ не только въ лицѣ святыхъ, но и не святыхъ людей — іерарховъ русскихъ. Да и странно было бы думать такъ, чтобы то, что дано, какъ неизмѣнное, возможно или дозволено было измѣнять святымъ до VII Вселенскаго собора. То, что дано, какъ неизмѣнное, таковымъ и должно оставаться для всѣхъ и навсегда; измѣнять его никто не въ правѣ — ни святые, ни апостолы, ни даже ангелы; *аще мы, или ангелъ съ небесе благовѣститъ вамъ паче, еже благовѣстихомъ вамъ, апавема да будетъ говоритъ ап. Павелъ* (Гал. 1, 8; см. кн. о Вѣрѣ, л. 196).

Когда послѣ этихъ разъясненій былъ предложенъ Шарову снова тотъ же вопросъ—какія же ереси содержитъ церковь, ему уже крайне трудно было держаться области обрядовъ и обычаевъ церковныхъ; съ другой стороны, нельзя было и оставить ее: только эта область давала ему возможность быть не совѣмъ безотвѣтнымъ въ глазахъ народа, о чемъ онъ болѣе всего и заботился. Необходимо было выйти изъ этого затрудненія. Съ этою цѣлю онъ старается вопросъ о т. н. ересяхъ свести на вопросъ о перстосложеніи. „Скажите, двуперстное сложеніе апостольское преданіе и съ двуперстіемъ спасались, или нѣтъ?“ спросилъ Шаровъ.

— *Миссіонеръ*. Допустимъ, что двуперстіе апостольское преданіе, что съ двуперстіемъ спасались, что же отсюда слѣдуетъ? слѣдуетъ-ли то, что церковная власть не имѣла права измѣнить его, когда то нашла необходимымъ?

— *Шаровъ*. Любезные слушатели, миссіонеръ открыто сознался, что двуперстіе апостольское преданіе и что съ двуперстіемъ спасались. Теперь обратите ваше вниманіе вотъ на что: если двуперстіе такой-же обрядъ, какъ тѣ временныя установленія, которыя указывалъ миссіонеръ, то почему оно отъ самыхъ временъ апостольскихъ и до Никона патріарха оставалось неизмѣннымъ; почему церковь никогда не видѣла въ немъ никакого порока и не пыталась измѣнить или замѣнить его? Очевидно, потому, что измѣненіе его считала за ересь.

— *Миссіонеръ*. Откуда же видно, что церковь двуперстіе считала неизмѣннымъ?

— *Шаровъ*. Миссіонеръ требуетъ доказательства, что церковь принимала двуперстіе за преданіе неизмѣнное, измѣненіе его считала ересью. Такое доказательство мы сейчасъ представимъ. Въ древнеписьменной Кормчей 1519 года, хранящейся въ соловецкой библіотекѣ при Казанской духовной академіи, содержатся наставленія бл. Θεодорита о двуперстномъ сложеніи. Въ концѣ этого наставленія по гречески из-

речена клятва на некрестящихся двуперстно; она читается такъ (Шаровъ прочиталъ ее по испорченному новогреческому чтенію), по русски это будетъ значить: „аще кто не знаменуется двѣма персты, якоже и Христось, да будетъ проклятъ“ (замѣч. на кн. перетр: „Мечь дух“, стр. 88—89). Изъ этого свидѣтельства всякій можетъ видѣть, что церковь греческая двуперстіе почитала и объявляла неизмѣннымъ и всѣхъ некрестящихся двуперстно предавала клятвѣ, т. е., считала еретиками. Такъ же смотрѣла на двуперстіе и русская церковь. Стоглавый соборъ, на которомъ предсѣдательствовалъ митрополитъ Макарій, присутствовали свв. Гурій и Варсанофій, узаконяя двуперстіе, на всѣхъ некрестящихся двуперстно износятъ анаѹму: „иже кто не знаменуется двѣма персты, якоже и Христось, да есть проклятъ“ (Стогл. гл. 31). Ясно, что и русская церковь двуперстіе считала неизмѣннымъ, а всѣхъ некрестящихся двуперстно — еретиками. Не допускала она иного сложенія перстовъ для крестнаго знаменія и въ послѣдующее за соборомъ время. Наставленія о немъ она полагала и въ богослужебныхъ и въ учительныхъ книгахъ. Никто до Никона и не дерзалъ измѣнять его. Теперь, слушатели, сами судите — когда церковь вслѣдъ за Никономъ отвергла неизмѣнное апостольское преданіе — двуперстіе, замѣнивъ его *небывалымъ* сложеніемъ перстовъ — троеперстіемъ, и послѣдній приняла во всеобдержный обычай, сохранила-ли она православіе? Конечно, нѣтъ. Миссіонеръ требовалъ отъ насъ указанія, какую ересь содержитъ церковь, вотъ ересь — троеперстіе.

— *Миссіонеръ*. Отказавшись отъ своей несправедливой мысли, что вообще обряды и чины неизмѣнны, и признавши даже, что церковь имѣла право измѣнять ихъ, Шаровъ однакоже останавливается на двуперстіи: замѣну его троеперстіемъ хочетъ вмѣнить церкви въ ересь. Но что же это значить? развѣ двуперстіе не такой же обрядъ или обычай, какъ нѣкоторые изъ тѣхъ, которые указаны нами, а догмать

вѣры? Да, Шаровъ увѣренъ, что многіе изъ слушателей такъ именно и относятся къ двуперстію, а тѣмъ, кто сомнѣвается въ этомъ, онъ хочетъ внушить эту мысль приведенными доказательствами. Разсмотримъ ихъ, можно-ли имъ довѣряться. Въ качествѣ непререкаемаго свидѣтельства о неизмѣнности двуперстія Шаровъ указалъ т. н. Θεодоритово слово о двуперстіи, содержащееся въ какой то древлеписьменной Кормчей; но не оно собственно было нужно Шарову, ему нужна была та мнимая клятва святыхъ отцовъ, которая въ указанномъ памятникѣ читается вслѣдъ за Θεодоритовымъ словомъ и узаконяетъ будто бы сложеніе перстовъ по Θεодоритову писанію. На этой клятвѣ онъ и останавливается—читаетъ ее сначала по испорченному новогреческому тексту, чтобы внушить слушателямъ мысль о томъ, что церковь греческая двуперстіе считала неизмѣннымъ; затѣмъ читаемъ ее по-русски, какъ приводитъ ее Стоглавый соборъ, чтобы внушить мысль, что и русская церковь относилась къ двуперстію такъ же, какъ и греческая. Скажемъ сначала о т. н. Θεодоритовомъ словѣ. Теперь доподлинно извѣстно, что этого слова въ сочиненіяхъ Θεодорита не обрѣтается, что Θεодориту оно не принадлежитъ и принадлежать не можетъ. Не говоря уже о томъ, что наставленіе о двуперстіи въ разныхъ редакціяхъ этого слова излагается неодинаково: въ однихъ повелѣваетъ, два перста имѣти *наклоненна, а не простерта*, въ другихъ—имѣти ихъ простерта (а ненаклоненна), въ третьихъ, наконецъ,—имѣти два перста простерта и только одинъ изъ нихъ мало наклонити, каковаго разнорѣчія Θεодоритъ, безъ сомнѣнія, не допустилъ бы, неговоря объ этомъ, тому же самому Θεодориту *несомнѣнно* принадлежитъ свидѣтельство, что въ его время христіане обычно изображали на себѣ крестное знаменіе *единымъ перстомъ*. Онъ рассказываетъ о преп. Маркіанѣ, происходившемъ изъ того-же г. Кира: „святый *перстомъ* вообразилъ крестное знаменіе и устами дунулъ на него (змія), и какъ трость отъ огня змій тотчасъ исчезъ“.

(Θеодоритъ, Филозенъ, или истор. Боголюбцевъ, стат. о Маркіанѣ, сн. Прологъ подь 2 числ. ноября). Если во дни бл. Θеодорита существовалъ обычай креститься единымъ перстомъ и если самъ Θеодоритъ говоритъ о преп. Маркіанѣ, происходившемъ изъ того же города Кира, что онъ крестился только перстомъ, то ясно, что Θеодориту не можетъ принадлежать слово о двуперстіи.

Но если бы это слово и дѣйствительно принадлежало бл. Θеодориту, то никакъ не могло бы слѣдовать отсюда того, что двуперстное сложеніе по Θеодоритову писанію одно только православно и спасительно, т. е., неизмѣнно. Думать такъ, значило бы приписывать Θеодориту право уставлять новые догматы, какового имѣть онъ не могъ: церковь „не держитъ тайны, отъ единого коего человѣка уставленныя“ (Б. Кат. л. 121 об.), тѣмъ болѣе отъ такого человѣка, какъ Θеодоритъ; онъ, какъ извѣстно, одно время стоялъ за Несторія, въ защиту его писалъ даже сочиненія, направляя ихъ противъ поборника православія Кирилла Александр. и противъ правосл. вѣры (Старонеч. Кормч. л. 8 п об. и 12 п об.). Всегда возможно было бы думать, что Θеодоритъ написалъ слово о двуперстіи въ это именно время, тѣмъ болѣе, что въ самомъ наставленіи о перстахъ, порядкѣ и способѣ ихъ сложенія содержатся слѣды несторіанскаго ученія. Впрочемъ, Шаровъ на Θеодоритовомъ словѣ и не останавливается почти. Для него, по его расчетамъ, сильнѣе подѣйствовать на народъ, важна клятва, которая узаконяетъ будто бы двуперстное сложеніе по Θеодоритову писанію. Обратимся къ ней. Какъ показываютъ изысканія ученыхъ, эта клятва заимствована изъ чинопріятія прядящихъ отъ хвалиснѣ и никакого отношенія къ двуперстному сложенію, какъ и къ наставленію о немъ, не имѣетъ. Что особенно должно убѣдить васъ въ этомъ, такъ это то, что а) эта клятва говоритъ *только о двухъ перстахъ и ни слова о трехъ*, между тѣмъ какъ, если бы она ограждала то дву-

перстѣ, которое употребляютъ старообрядцы, то необходимо должна бы такъ или иначе упомянуть и о 3-хъ перстахъ, или сослаться на Θεодоритово слово. Равнымъ образомъ, ни единого слова не говоритъ она ни о способѣ сложенія перстовъ, ни о знаменованіи ихъ. б) Что эта клятва рѣшительно не ограждала неизмѣнности двуперстія какъ по отношенію къ сложенію перстовъ, такъ и къ знаменованію ихъ, какъ это можно видѣть изъ сравненія наставленія о двуперстіи „древнеписьменной“ Кормчей и стоглаваго собора, на которыя сослался Шаровъ. Древнеписьменная Кормчая ограждаетъ клятвою неизмѣнность одного двуперстія и по способу сложенія перстовъ, и по знаменованію ихъ, а стоглавый соборъ той-же клятвою въ томъ и другомъ отношеніи ограждаетъ уже совершенно иное. Первая узаконяетъ „два перста имѣти наклоненна, а не простерта“, а второй — „верхній персть (указат.) съ среднимъ совокунивъ, простерть мало нагнуть“ (тотъ-же указат.). Первая сложенію трехъ перстовъ усволяетъ знаменованіе Троицы, а второй — знаменованія „преклоненія небесъ и снїтія на землю нашего ради спасенія“. Но развѣ такое разнорѣчіе было бы возможно, если бы клятва, приводимая Шаровымъ, ограждала именно то двуперстіе, которое употребляютъ старообрядцы?

Да и сами старообрядцы, какъ видится, мало боятся этой клятвы: они не слѣдуютъ въ сложеніи перстовъ ни тому наставленію, которое содержится въ „древле письменной“ Кормчей, ни тому, которое содержится въ Стоглавникѣ. — Но допустимъ, что этого возраженія нѣтъ. Откуда видно, что Христось изображалъ на Себѣ крестное знаменіе и какая была нужда ему въ томъ? Далѣе, какіе это святіи отцы, когда, гдѣ, по какому поводу, соборне или нѣтъ, ссылались на примѣръ Христа, „такъ креститися и благословити указали и узаконили“? У Шарова на эти вопросы нѣтъ отвѣта, а безъ эчого и ссылка на Христа и св. отцовъ теряетъ всякое значеніе. Нѣтъ, не такія доказательства долженъ былъ

привести Шаровъ, если хотѣлъ убѣдить насъ въ томъ, что за замѣну двуперстія троеперстіемъ церковь стала еритической. Если онъ хотѣлъ убѣдить насъ въ томъ, то долженъ былъ привести свидѣтельства изъ Богооткровеннаго писанія, что двуперстіе принесено съ неба, открыто и передано людямъ, какъ неизмѣнное, самимъ Богомъ, что такимъ принято и заповѣдано и вселенскими соборами, ибо таковы существенныя черты вещей неизмѣнныхъ, каковы догматы. (Бесѣда на 14 ап. Павла, стр. 1062, 1462; см. кн. Кирилл. л. 29 и об. 30, 378). Но такихъ доказательствъ Шаровъ привести не можетъ: ни слово Божіе, ни вселенскіе соборы не говорятъ не только того, что двуперстіе есть догматъ вѣры, но и вообще ничего не говорятъ о немъ, какъ и всякомъ другомъ перстосложеніи. А если такъ, то никто и не въ правѣ объявлять его неизмѣннымъ, догматомъ. Тотъ, кто рѣшился бы проповѣдывать это, какъ проповѣдуетъ Шаровъ, „прикладалъ бы“ къ Никейской вѣрѣ новый членъ вѣры и подлежалъ бы за то осужденію и проклятію (Кн. Кирилл. л. 426 об.).

Свою ложную мысль, что двуперстіе есть догматъ вѣры, Шаровъ старается внушить вамъ, между прочимъ, указаніемъ на то, что обычай знаменоваться такъ содержали святые и спасались съ нимъ. Но мы уже видѣли, что простой обычай не можетъ стать догматомъ вѣры-вѣрою, не можетъ стать неизмѣннымъ чрезъ то, что его содержали святые; мы видѣли уже, что даже апостольскія обрядовыя установленія измѣнялись, а иногда и совсѣмъ отмѣнялись.

Шаровъ. Добрые слушатели, по словамъ миссіонера ничто не препятствовало замѣнить двуперстіе троеперстіемъ: ни то, что двуперстіе апостольское преданіе и употреблялось непрерывно вплоть до Никона патріарха, ни то, что его употребляли всѣ св. отцы и спасались съ нимъ. Но кто-же, однако, изъ святыхъ отцевъ содержалъ троеперстіе и спасся

съ нимъ? пусть миссіонеръ приведетъ свидѣтельство объ этомъ отъ писанія, или отъ мощей.

Миссіонеръ. Шаровъ не въ правѣ требовать отъ меня свидѣтельства о троеперстїи отъ писанія (богооткровеннаго, священнаго); онъ самъ только что прочиталъ въ 91 правилѣ Вас. Вел., что обычай знаменоваться крестообразно христіане приняли отъ неписаннаго преданія, сохраняемаго въ церкви. Чтоже касается свидѣтельствъ иного рода, то они есть и я ихъ приведу. Такое свидѣтельство представляетъ собою напр. извѣстное старообрядцамъ „преніе панатїота съ взимитомъ“ (Кирплл. л. 236 и об.) Такое же свидѣтельство содержится въ сочиненїи уважаемаго старообрядцами Мелетїя п. Александрїйскаго „православный христіанинъ“ (В. Озерск. ч. II, 380 изд. 4.) (Эти свидѣтельства были прочитаны и разъяснены). Если бы Шаровъ вздумалъ первое изъ нихъ перетолковать, а второе отвергнуть, какъ подложное, то вотъ свидѣтельство о томъ же книги „Православное исповѣданіе“, съ которымъ такъ поступить уже нельзя. Книга эта была рассмотрѣна и одобрена соборомъ представителей греческой и русской церкви въ Яссахъ и утверждена восточными патріархами задолго до Никона (въ 1643 г.) (Прочитано было самое свидѣтельство)

Шаровъ. Свидѣтельство этой книги для насъ не достовѣрно. Она написана въ Южной Россїи, Кїевскимъ митроп. Петромъ Могилой, а тамошніе архїереи и самъ Могїла въ это время были заражены духомъ латинства. Вашъ писатель Чистовичъ въ своей книгѣ „Очеркъ исторїи 3. Русской церкви“ прямо говоритъ, что въ Москвѣ даже послѣ Никона малорусскїя книги, какъ большой требникъ, служебникъ Петра Могилы, были объявлены „имѣющими единзумїе съ напою и западнымъ костеломъ“ и запрещены. Но всего важнѣе сейчасъ для насъ то, что тотъ-же вашъ писатель говоритъ то-же самое и о „Православномъ исповѣданїи“: „Православное исповѣданіе вѣры, назначенное для православ-

ныхъ 3.-Русской церкви, однакожь, само носить слѣды латинскаго вліянія“ (стр. 348—350). Не диво, по этому, если въ „Православ. исповѣданіи“ и положено троеперстіе“. Что же касается яскаго собора, то вѣдь вы не имѣете подлинныхъ актовъ его и не знаете, какъ отнесся соборъ къ троеперстію; можетъ быть, онъ замѣнилъ его двуперстіемъ. А что теперь въ „Правосл. исповѣданіи“ положено троеперстіе, такъ это понятно почему: оно издано у насъ на Руси болѣе чѣмъ чрезъ 50 лѣтъ послѣ написанія, именно въ 1696 г. (рук. къ русс. ц. ист. Знаменскаго стр. 182—183), когда троеперстіе было принято здѣсь во всеобдержный бычай.

— *Миссіонеръ.* Восточные патріархи, которые разсматривали „Православное Исповѣданіе“ Петра Могилы, въ частности Константинопольскій патріархъ, въ подчиненіи котораго находилась въ это время Кіевская церковь, по словамъ самого Шарова еще хранили вѣру и благочестіе. Что же, осудивши троеперстіе въ „Православномъ Исповѣданіи“, какъ ересь, зазирали-ли они Петра Могилу въ латинствѣ, объявили-ли за троеперстіе его еретикомъ, а церковь, которой онъ управлялъ, еретической? Нетолько не объявляли таковымъ,—напротивъ, поставляли въ ряду борцовъ съ латинствомъ за православіе, а если такъ, то уже отсюда видно, что и къ троеперстію не могли отнестись такъ, какъ предполагаетъ Шаровъ. Но есть и прямыя доказательства этого. Шаровъ упустилъ изъ виду, что патріархи, одобрившіе „Православное Исповѣданіе“, сами знаменовались троеперстно. Такъ, между подписями одобрившихъ „Православное Исповѣданіе“ мы видимъ подпись Папсія, патріарха Іерусалимскаго, а этотъ патріархъ въ 1649 году былъ у насъ въ Москвѣ, гостилъ здѣсь болѣе 4-хъ мѣсяцевъ и открыто предъ всѣми знаменовался троеперстно, мало того, заиралъ русскихъ за двуперстіе (Скриж. 1655 года, „Сл. отвѣщ.“ л. 1—2). Находимъ подпись Макарія, патріарха антиохійскаго, того самаго, который въ Москвѣ въ 1655 году, всенародно сви-

дѣтельствовавъ русскимъ людямъ, что обычай креститься троеперстно есть древній, общепринятый обычай на православномъ востокѣ. Далѣе, зазирали-ли Петра Могилу въ еретичествѣ Московскіе іерархи? Опять нѣтъ. Лучшимъ доказательствомъ этого служить то, что они охотно перепечатавали его книги; такъ, при патріархѣ Іосифѣ была перепечатана его книга Малый Катихизисъ (въ 1649 г.), а этотъ катихизисъ есть не что иное, какъ то же „Православное Исповѣданіе“, только въ сокращенномъ видѣ.

Шаровъ. Все это неубѣдительно. Для насъ важно знать, содержали-ли троеперстіе на Руси; если содержали, то кто спасся съ троеперстіемъ, укажите хоть одного святого.

Миссионеръ. То обстоятельство, что вопросъ о перстосложеніи былъ поставленъ для разрѣшенія на Стоглавомъ соборѣ, а еще болѣе та клятва, которую износить этотъ соборъ на некрестящихся двуперстно, ясно говоритъ, что въ то время были такіе, которые крестились не двуперстно, а какъ-то иначе: если бы всѣ крестились двуперстно, то не было бы повода и ставить вопроса о способѣ сложенія перстовъ, если бы всѣ крестились двуперстно, то не на кого было бы износить и клятву. Какъ-же крестились эти некрестившіеся двуперстно? Оказывается, что они крестились троеперстно. Въ Паисіевскомъ сборникѣ, принадлежавшемъ бібліотекѣ Кирилло-Бѣлозерскаго монастыря и относящемся къ концу XIV или началу XV вѣка, въ статьѣ „отъ апостольскихъ заповѣдей“ между клятвами изречена слѣдующая: „аще кто не крестится *тремя* персты да будетъ проклятъ“ („Весѣда о перстосл. для кр. зн. и благослов.“ арх. Никанора, стр. 224—225). Отсюда ясно, что некрестившіеся двуперстно, противъ которыхъ была направлена клятва Стоглаваго собора, крестились троеперстно. Далѣе, то обстоятельство, что двуперстники и троеперстники вступаютъ въ борьбу изъ-за перстосложенія, износятъ одни на другихъ клятвы, или производятъ смуту въ народѣ, которую потомъ при-

шлое прекращать собору, ясно говорить, что троеперстники были весьма многочисленны. Въ противномъ случаѣ эта борьба не имѣла бы мѣста. И такъ, несомнѣнно, что рядомъ съ двуперстіемъ весьма многими на Руси употреблялось и троеперстіе. Этотъ обычай — креститься троеперстно во всей силѣ въ особенности среди простыхъ не книжныхъ людей, невѣдавшихъ т. н. Феодоритова писанія, сохранился до Никона. На этотъ фактъ, какъ извѣстно, онъ неоднократно указывалъ, какъ на одно изъ очевиднѣйшихъ основаній въ пользу возстановленія троеперстія. И этого факта не отвергали не только тѣ архіереи, которые въ 1656 году соборовали о томъ, — на основаніи его, между прочимъ, они и сдѣлали постановленіе объ употребленіи всѣми троеперстія, — но самые ярые ревнители двуперстія — Аввакумъ (Мат. для ист. раск., V, 379), дьяконъ Федоръ; послѣдній даже косвенно подтверждаетъ его (тамъ же VI, 28, 29). Не могутъ не признать достовѣрности факта, указываемаго Никономъ, и нынѣшніе старообрядцы. Пусть припомнимъ они, въ какихъ условіяхъ приходилось Никону вести дѣло исправленія чиновъ и обрядовъ и они поймутъ, могъ-ли онъ въ пользу замѣны двуперстія троеперстіемъ ссылаться, какъ это онъ дѣлаетъ неоднократно (скрижалъ), на несуществующій, выдуманный фактъ употребленія многими троеперстія, какъ на фактъ, который былъ у всѣхъ предъ глазами, который могъ всякій провѣрить. Если уже тѣ исправленія его, которыя были основаны на несомнѣнныхъ данныхъ, вызвали такую массу лжи, клеветъ на Никона и вражды противъ него, то что же было бы, если бы онъ въ своихъ исправленіяхъ основался на данныхъ несуществующихъ, фактахъ выдуманныхъ, ложныхъ? Могли эти исправленія имѣть какой-либо успѣхъ, были-ли бы они одобрены и приняты даже тѣми, кто не стоялъ въ рядахъ его враговъ? Конечно, нѣтъ. Въ особенности нужно сказать это относительно перетосложенія, которому тогдашніе ревнители обрядовъ придавали такое же значеніе, какъ

и вышшіе старообрядцы. Если что особенно долженъ былъ основывать Никонъ на несомнѣнныхъ и при томъ для большинства очевидныхъ данныхъ, фактахъ, такъ это именно замѣну двуперстія троеперстіемъ, возстановленіе послѣдняго: только тогда онъ и могъ заградить уста врагамъ своимъ и обезпечить успѣхъ дѣла.

Но есть и прямыя свидѣтельства о широкомъ употребленіи троеперстія на Руси и притомъ такія, которыя вмѣстѣ съ тѣмъ говорятъ и о томъ, что троеперстіе употребляли святые и спасались съ нимъ. Такое свидѣтельство содер-
житъ въ себѣ житіе пр. Александра Ошевенскаго, которое „списано бысть въ лѣто 7075 (1567) (спустя стало быть всего лишь 17 лѣтъ послѣ Стоглаваго собора) повелѣніемъ благовѣрнаго царя Іоанна Васильевича и его благовѣрныхъ царевичевъ Іоанна и Θεодора“. (Было прочитано и разъяснено самое свидѣтельство). Это житіе, замѣтимъ, имѣло не келейное только употребленіе, но читалось и въ храмахъ при богослуженіи—на утрени между двумя читаемыми канонизмами и не только въ Ошевенскомъ монастырѣ, но и въ Соловецкомъ (Бесѣд. о перстослож. арх. Никанора стр. 307—308). Таковы свидѣтельства въ пользу употребленія на Руси троеперстія. Но Шаровъ требовалъ еще свидѣтельства о томъ же отъ мощей. Такое свидѣтельство представляютъ, напр., мощи преп. Спиридона просфорника. Что то сложеніе перстовъ, съ которымъ почиваетъ Спиридоній, дѣйствительно троеперстное, это удостовѣряли многіе изъ самихъ старообрядцевъ.

Одинъ изъ помощниковъ Шарова совершенно неожиданно спросилъ: „а этотъ Спиридоній развѣ святой?“

Миссіонеръ. Если Спиридоній почиваетъ въ мощахъ, прославленъ нетлѣніемъ, то ясно, что святой. Помощникъ Шарова спрашивалъ, однакоже, не безъ цѣли; онъ дѣйствовалъ по внушенію Шарова. Послѣднему, какъ видно будетъ изъ дальнѣйшаго, нуженъ былъ этотъ прямой отвѣтъ. Какъ

только онъ былъ данъ, Шаровъ, оставляя безъ разбора всѣ предыдущіе доводы миссіонера объ употребленіи троесперстія на Руси, принялся разбирать этотъ доводъ отъ мощей.

— Миссіонеръ заявилъ, что Спиридоній—святой,—такъ началъ Шаровъ свой разборъ,—посмотримъ, такъ-ли это? Память его, именующіе себя православными, полагаютъ 31 октября. Смотримъ въ мѣсяцесловъ при Иосифовскомъ служебникѣ, значитса-ли во святыхъ Спиридоній. Оказывается, добрые слушатели, что нѣтъ. Русская церковь до Никона Спиридонія святымъ не почитала. Почитала-ли его святымъ церковь при Никонѣ? Уже по тому одному, что мощи Спиридонія представляютъ столь ясное свидѣтельство объ употребленіи троесперстія на Руси, казалось бы, нельзя было сомнѣваться въ томъ, что Никонъ причислитъ его къ лику святыхъ; однакоже и Никонъ къ лику святыхъ его не причислилъ. Вотъ Никоновскій служебникъ 1655 года, въ мѣсяцесловъ при немъ подъ 31 октября значатся во святыхъ—св. ап. Стахій, Амилій, мч. Епимахъ, а Спиридонія просфорника—нѣтъ. Можетъ быть, кто-нибудь подумаетъ, что это просто недосмотръ, пропускъ, который восполненъ былъ впоследствии въ святцахъ при служебникѣ другого выхода? Вотъ служебникъ 1667 года, но подъ 31 октябр. и въ этомъ служебникѣ во святыхъ Спиридоній не значится. Итакъ, ясно, что Церковь какъ до Никона, такъ и при немъ и послѣ него Спиридонія просфорника къ лику святыхъ не причисляла. Но, добрые слушатели, мало сказать, что церковь не причисляла его къ лику святыхъ, она считала его великимъ грѣшникомъ, человѣкомъ навѣки связаннымъ клятвою—проклятымъ.—Доказательствомъ его святости миссіонеръ поставляетъ мощи его, но мощи Спиридонія доказываютъ не святость его, а другое. Соборъ 1667 года, соборъ именующихъ себя православными, говоритъ: „нетлѣнныхъ тѣлесъ, обрѣтающихся въ нынѣшнемъ времени да не дерзаете, кромѣ достовѣрнаго свидѣтельства и соборнаго повелѣнія, во свя-

тыхъ почитати: зане обрѣтаются многа тѣлеса цѣла и нетлѣнна не отъ святости, но яко отлученна и подѣ клятвою архіерейскою или іерейскою суще умроша, или за преступленіе божественныхъ и священныхъ правилъ и закона цѣли и неразрѣшими бывають“ (кн. соб. дѣян. гл. 1, стр. 222; по изд. Брат. митр. Петра стр. 8). Слова собора 1667 г. имѣли въ виду и Спиридона просфорника. Разъ существовали мощи Спиридона, то рѣшительно не возможно и помыслить того, чтобы церковь не знала о нихъ. А если она знала и при всемъ томъ къ лику святыхъ по мощамъ его не причислила, то ясно, что мощи его она считала доказательствомъ не святости его, а доказательствомъ того, что онъ былъ великій грѣшникъ, былъ подѣ клятвою. Вотъ какой вашъ Спиридоній просфорникъ, на котораго вы ссылаетесь! Можетъ-ли послѣ этого служить доказательствомъ то троеперстіе, съ которымъ онъ почиваетъ? Нѣтъ; это еретическое сложеніе, за которое онъ и связанъ клятвою.

Миссіонеръ. Желаніе во что-бы то ни стало отстоять свою неправду и уронить въ мнѣніи слушателей установленія церкви православной доводятъ Шарова даже до хуленія святыхъ. — Оставивши всѣ другія свидѣтельства объ употребленіи троеперстія на Руси, приведенныя мною, Шаровъ поспѣшилъ заняться послѣднимъ — свидѣтельствомъ отъ мощей, считая, очевидно, его крайне слабымъ. Посмотримъ таковы ли оно. — Если подѣ тѣмъ или другимъ числомъ мѣсяцеслова при служебникѣ не значится имя святого, то, по словамъ Шарова, отсюда слѣдуетъ, что церковь и не причисляла его къ лику святыхъ. Это — великая неправда: въ мѣсяцесловѣ не всѣ святые поименованы. Св. мч. Лукія (14 декабря) не значится въ мѣсяцесловѣ, такъ неужели поэтому она и не святая? Нѣтъ, церковь причисляла и причисляетъ ее къ лику святыхъ.

Шаровъ. Лукія значится святою въ житіяхъ святыхъ, а Спиридоній просфорникъ святымъ не значится ни у насъ,

ни у васъ, ни въ святцахъ, ни въ житіяхъ; скажу болѣе того: свидѣтельства о томъ, что Спиридоній святой, вы не найдете ни въ одной тетрадкѣ ни въ старообрядческой, ни въ вашей. Шаровъ, очевидно, думалъ, что онъ поставилъ миссіонера въ столь затруднительное положеніе, въ которомъ возможно будетъ долго держать его и глумиться надъ его безсиліемъ и потому чувствовалъ приливъ смѣлости: если я говорю не вѣрно, обличите меня, найдите хоть въ тетрадкѣ, что Спиридоній святой; но вы такого свидѣтельства не найдете.

Миссіонеръ. Такое свидѣтельство я найду не въ тетрадкѣ, а въ свидѣтельствованной печатной книгѣ. Въ „Патерики Печерскомъ“ на л. 208 говорится, что Спиридоній былъ человѣкъ простого званія, еще въ молодости пришелъ въ монастырь печерскій, здѣсь выучился грамотѣ, изучилъ наизусть псалтирь; проводилъ жизнь свою въ молитвѣ трудахъ и подвигахъ, чѣмъ и угодилъ Богу: еще при жизни надѣленъ былъ даромъ чудотвореній, а по смерти прославленъ нетлѣніемъ. Шаровъ доказывалъ, что Спиридоній не только не святой, но и великій грѣшникъ, человѣкъ бывшій подъ клятвою, а изъ патерика видно, что онъ имѣлъ самую тѣсную связь съ храмомъ, съ служителями его, съ церковію: по порученію игумена онъ впродолженіе 30 лѣтъ съ инокомъ Никодимомъ занимался печеніемъ просфоръ и въ добромъ исповѣданіи представился.

Шаровъ. Патерику вѣрить никакъ нельзя: въ Москвѣ онъ составленъ и изданъ очень поздно въ 1661 г. и притомъ на основаніи Кіевскаго изданія, а это послѣднее составляли и издавали латинники.

Миссіонеръ. Теперь Шаровъ уже не утверждаетъ того, что миссіонеръ не найдетъ не только въ книгѣ, но и въ тетрадкѣ свидѣтельства, что Спиридоній—святой, какъ онъ утверждалъ минуту назадъ. Теперь онъ соглашается, что такое свидѣтельство содержится не въ тетрадкѣ, а въ книгѣ;

только онъ не хочетъ довѣрять этой книгѣ—на томъ основаніи, что она на Москвѣ составлена и издана поздно и при томъ на основаніи Кіевскаго изданія ея. Но возможно-ли Московскому изданію патерика не довѣрять потому только, что онъ составленъ на основаніи Кіевскаго изданія его? Пользуясь для своего изданія патерика Кіевскимъ изданіемъ его, московскіе издатели свидѣтельства послѣдняго, навѣрное, провѣряли какими-либо несомнѣнными для нихъ данными, потому что они сами, какъ это видно изъ словъ Шарова, не во всемъ довѣряли Кіевопечерскому Патерику (Спиридонія не считали святымъ).

Шаровъ. Въ Москвѣ не по чему было провѣрять его, тамъ не имѣли такихъ данныхъ.

Миссіонеръ. Назаръ Ермолаевичъ! Ты всей книгѣ не довѣряешь, или не всей (Шаровъ утвердительно отвѣтить не могъ)?

Шаровъ. Нѣкоторыя жизнеописанія, помѣщенныя въ ней, я признаю достовѣрными и принимаю.

Миссіонеръ. Ну вотъ видишь, самъ же ты говоришь, что эта книга не во всемъ не достовѣрна, что нѣкоторыя жизнеописанія, помѣщенныя въ ней, и ты принимаешь; а если такъ, то ясно, что эти жизнеописанія составлены на основаніи не одного печерскаго патерика, которому, повторяю снова, по твоимъ же словамъ московскіе издатели не во всемъ довѣряли, а на основаніи и другихъ какихъ-то для нихъ несомнѣнныхъ данныхъ, которыми и повѣряли показанія печерскаго патерика. Если же въ этой книгѣ провѣрено по такимъ даннымъ одно, то нѣтъ основанія предполагать, чтобы по тѣмъ же даннымъ не было провѣрено и другое, въ данномъ случаѣ—жизнеописаніе Спиридонія. Мало того, изъ твоихъ же словъ съ необходимостью слѣдуетъ, что такъ дѣйствительно и было. Ты сказалъ, что патерикъ въ Москвѣ былъ изданъ въ 1661 году, т. е., въ то время, когда тамъ Спиридонія святымъ не считали; болѣе того, считали

величайшимъ грѣшникомъ. Если такъ, то какъ же могло случиться, что жизнеописаніе Спиридонія, признающее его святымъ, пошло въ Московское изданіе Патерика? Очевидно, это могло случиться лишь вслѣдствіе того, что въ Москвѣ перестали считать Спиридонія великимъ грѣшникомъ, убѣдились, что онъ вовсе не грѣшникъ, а святой мужъ. Но убѣдиться въ этомъ въ Москвѣ могли только изъ московскихъ-же данныхъ, достовѣрныхъ для нихъ, а такими и были ранніе, во всѣхъ отношеніяхъ проверенные составленные въ Москвѣ списки патерика.

Изъ сказаннаго ясно, что, когда Шаровъ утверждалъ, что до изданія въ Москвѣ патерика въ 1661 г., тамъ не было никакихъ данныхъ, по которымъ можно было бы проверить показанія патерика печерскаго, утверждалъ ложь. Въ томъ-же обличаетъ его и кн. о Вѣрѣ, изданная въ 1648 г. Въ ней, въ гл. 15 „о св. постѣ“, говорится, что Θεодосій Кіевопечерскій „въ великомъ постѣ чрезъ 40 дней мало нѣчто вкушалъ во многа лѣта“; подобное же сообщается и о многихъ другихъ святыхъ, которые не называются по именамъ. Противъ этого мѣста издатели книги на полѣ ея замѣчаютъ „въ патерикѣ печерскомъ писано о нихъ“ (л. 123) и тѣмъ ясно даютъ разумѣть, что а) мѣсяцесловъ и житія святыхъ не единственный источникъ, откуда можно знать о святыхъ, что не всѣ святые поименованы въ мѣсяцесловѣ при служебникѣ, или житіяхъ святыхъ; б) что о нихъ можно узнать и изъ Патерика. Слѣдовательно, онъ существовалъ, былъ извѣстенъ въ Москвѣ и свидѣтельства его принимались за достовѣрныя.

Что же касается прочитанныхъ Шаровымъ словъ собора 1667 года о мощахъ, то они не требуютъ и разъясненія. Откуда Шаровъ взялъ, что соборъ 1667 г. въ приведенныхъ словахъ о мощахъ имѣлъ въ виду и Спиридонія? Это утверженіе не только произвольно, но и прямо ложно: вѣдь самъ-же Шаровъ сказалъ, что Патерикъ изданъ въ

Москвѣ въ 1661 г., стало быть, соборъ зналъ о содержащемся въ немъ жизнеописаніи Спиридонія. Почему-же онъ не опровергъ этого сказанія, какъ опровергъ онъ нѣкоторыя другія дѣйствительно ложныя сказанія. Если бы соборъ 1667 года считалъ и призналъ Спиридонія великимъ грѣшникомъ, связаннымъ клятвою, то Русская церковь, руководствующаяся указаніями этого собора, въ мѣсяцесловѣ при служебникѣ позднѣйшихъ выходовъ не причисляла-бы его къ лику преподобныхъ, какъ она причисляетъ. Мысль собора очень проста: онъ запрещаетъ частнымъ лицамъ кромѣ достовѣрнаго свидѣтельства и соборнаго повелѣнія во святыхъ почитать тѣхъ, которые *въ нынѣшнее время объявляются не-тлѣнными*, и повторялъ то узаконеніе, которое издавна дѣйствовало въ церкви.

И такъ, достовѣрность свидѣтельствъ объ употребленіи троеперстія и на Востокѣ, и на Руси Шаровымъ не поколеблена. Остается несомнѣннымъ, что и тамъ, и здѣсь употреблялось и троеперстіе, и всѣ усилія Шарова замѣну двуперстія троеперстіемъ вмѣнить въ ересь церкви остаются безуспѣшными. Пусть онъ намъ укажетъ дѣйствительную ересь.

Шаровъ, очевидно, не ожидалъ такого оборота дѣла и отъ двуперстія довольно рѣзко повернулъ въ другую сторону. Арсеній Сухановъ рассказываетъ, началъ онъ, что на Аѳонѣ соборомъ аѳонскихъ старцевъ подъ предсѣдательствомъ митр. Даниїла двуперстіе предано было великому поруганію—поречено ересью, а московскія книги, въ которыхъ изложено ученіе о немъ, еретическими и сожжены. (Проскин. подъ ред. Ивановск.; прилож. Преніе съ Греками стр. 341—345). Пусть миссіонеръ скажетъ, законно или нѣтъ поступили старцы аѳонскаго монастыря? Поставляя этотъ вопросъ, Шаровъ имѣлъ въ виду двоякій расчетъ. Если данъ будетъ утвердительный отвѣтъ, онъ обратится къ суду слушателей и скажетъ: зачѣмъ-же въ такомъ случаѣ дозволять содер-

жать его единовѣрцамъ и многимъ православнымъ; почему-же, какъ на Аѳонѣ не жгутъ тѣ книги, въ которыхъ изложено наставленіе о двуперстіи? Если отвѣтъ данъ будетъ отрицательный, то онъ скажетъ народу: вотъ видите, самъ миссіонеръ призналъ поступокъ аѳонскихъ старцевъ незаконнымъ и тѣмъ самымъ, согласно съ нами, отмѣну двуперстія и пореченія на него поставилъ въ великую вину и Никону съ соборомъ 1656 г., и собору 1667 года.

Миссіонеръ. Я не беру на себя права судить соборъ аѳонскихъ старцевъ; это право принадлежитъ церкви (М. катихизисъ л. 25 об.); восхищать у нея это право свойственно только раскольникамъ.

Шаровъ. Нѣтъ, однако-же, какъ вы думаете?

Миссіонеръ. Что-бы отвѣтить на этотъ вопросъ, нужно знать всѣ обстоятельства дѣла. Двуперстіе, какъ и всякое другое перстосложеніе, само по себѣ ни православно, ни неправославно. Его православіе или неправославіе зависитъ отъ того, какое мудрованіе соединяють съ нимъ тѣ, кто его содержитъ: православное или неправославное; а равно и отъ того, какую мысль внушаетъ этотъ символъ взирающимъ на него. Если сербинъ, о которомъ рассказываетъ въ „преніяхъ“ Сухановъ, соединялъ съ двуперстіемъ какое-либо неправое мудрованіе, или же такимъ сложеніемъ перстовъ подавалъ поводъ къ тому другимъ, то аѳонскіе старцы имѣли основаніе поступить такъ (Толк. Апост. гл. 516 об., Стогл. гл. 79).

Шаровъ, (подавая кн. Кириллову), какія ереси находите вы въ ученіи о двуперстіи, за что слѣдовало бы сжечь эту книгу?

Миссіонеръ. Говорю не то книгъ, а о томъ сербѣ, который, по разсказу Суханова, подвергся суду аѳонскихъ старцевъ за двуперстіе; онъ или самъ могъ связывать съ двуперстіемъ какія-либо неправыя мудрованія, придавать ему какое-либо особое значеніе, или же подавать другимъ поводъ къ тому и другому. Да и вѣроятно было такъ. По

крайней мѣрѣ изъ разсказа Арсенія Суханова видно, что Сербъ не только самъ знаменовался двуперстно, считая двуперстіе единственно спасительнымъ, но и другихъ училъ такъ-же знаменоваться, вопреки принятому тамъ иному обычаю. („Пренія“ стр. 341—343). Какъ бы то ни было, впрочемъ, одно несомнѣнно, что поступокъ аѳонскихъ старцевъ былъ всецѣло направленъ къ охранѣ чистоты вѣры и православія. А по вашему мнѣнію какъ, — законно или незаконно поступилъ соборъ?

Шаровъ. По нашему мнѣнію, съ которымъ, надѣюсь, согласятся и все слушатели, сказать, что аѳонскіе старцы поступили незаконно, весьма недостаточно. Слушатели! миссіонеръ, какъ вы помните, призналъ двуперстіе апостольскимъ преданіемъ и установленіемъ, православнымъ и спасительнымъ, каково оно и есть; но вѣдь апостолы въ своихъ установленіяхъ руководились внушеніемъ Св. Духа. Теперь, назвавши двуперстіе ересью, а аѳонскіе старцы двуперстіе-ли только предали страшному поруганію? Нѣтъ, они вмѣстѣ съ тѣмъ обвинили въ ереси самихъ апостоловъ, мало того, похулили Духа Святаго. Но не объ аѳонскихъ старцахъ только рѣчь! Если бы это преступленіе совершили только они одни, они одни только и были бы въ отвѣтѣ. Но дѣло въ томъ, что вслѣдъ за ними въ томъ же грѣхѣ стала повинна и вся церковь. Восточная церковь не только не осудила поступка аѳонскихъ старцевъ, не только не подвергла ихъ соответствующему наказанію, но вскорѣ въ лицѣ своихъ іерарховъ повторила его и сама еще въ болѣе рѣзкой формѣ. Въ 1655 году Макарій, патр. антиохійскій, съ восточными архіереями износитъ на двуперстіе не только пореченіе ересью, но и прямо клятву. Примѣру Макарія слѣдуетъ Никонъ съ соборомъ русскихъ архіереевъ въ 1656 году и, наконецъ, соборъ 1667 года (при этомъ Шаровъ прочиталъ изъ Скрижали 1656 г. „Отвѣтъ“ Макарія на „Вопросъ“ Никона и клятву изъ соборнаго свитка 1667 года). Миссіонеръ требо-

валъ отъ насъ указанія, какую ересь содержитъ церковь. Неужели хула на Духа Святаго не ересь? Какой ему надобно еще ереси? Это горше всякой ереси!

Миссіонеръ. Какъ видите, Шаровъ еще указываетъ иную ересь, которую содержитъ православная церковь. Теперь ересью является уже не троеперстіе, а пореченіе аѳонскими монахами двуперстія ересью и сожженіе ими московскихъ книгъ,—преступленіе, въ которомъ дѣлаетъ онъ участницей и восточную церковь, такъ какъ она не осудила его,—и клятвы, изнесенныя будто-бы на двуперстіе іерархами Восточной и Русской церкви. Но такъ-ли смотрѣли, какъ смотритъ Шаровъ и старообрядцы, на описанный поступокъ аѳонскихъ старцевъ на Москвѣ, хранившей еще въ это время чистоту вѣры и благочестія? Считаль-ли п. Іосифъ пореченіе двуперстія ересью и сожженіе московскихъ книгъ за ересь, а аѳонскихъ старцевъ, а вмѣстѣ съ ними и восточныхъ патріарховъ, не осудившихъ этотъ поступокъ ихъ, еретиками?

Шаровъ. Патр. Іосифъ обо всемъ этомъ и не зналъ.

Миссіонеръ. Неправда. Разсказъ о поступкѣ аѳонскихъ старцевъ, равно какъ и о томъ, какъ отнесся къ нему цареградскій патріархъ, содержится въ „преніяхъ съ греками“, а „пренія“ вмѣстѣ съ Стайнымъ спискомъ во второй свой пріѣздъ въ Москву, въ 1651 году, Арсеній Сухановъ представилъ въ Посольскій приказъ. Могъ-ли не знать о событіи п. Іосифъ въ особенности, когда дѣло касалось двуперстія и московскихъ книгъ. Да и помимо этого онъ могъ узнать обо всемъ и прямо отъ Суханова. Последній, какъ извѣстно, былъ отравленъ на Востокъ съ согласія и благословенія патр. Іосифа. Возвратившись, онъ, конечно, далъ отчетъ о поѣздкѣ своему патріарху. И такъ, несомнѣнно, что Іосифъ хорошо зналъ какъ о поступкѣ аѳонскихъ старцевъ, такъ и о томъ, какъ отнесся къ нему Цареградскій патріархъ, и однакоже ни тѣхъ, ни другого не считаль еретиками и не

разрывалъ съ ними общенія. А что это вѣрно, видно изъ того, что въ 1652 году онъ обращается къ Константинопольскому патріарху Парѣнію за разрѣшеніемъ нѣкоторыхъ недоумѣнныхъ вопросовъ, которыхъ самъ разрѣшить не могъ, и полученные на нихъ отвѣты Парѣнія принимаетъ къ руководству (Мак. ист. р. церкв. XI, стр. 170—174). Нѣтъ, не потому п. Іосифъ не смотрѣлъ на поступокъ аѳонскихъ старцевъ, какъ на ересь, а ихъ самихъ, какъ и восточныхъ патріарховъ, не считалъ еретиками, что не зналъ о поступкѣ, а потому что не видѣлъ въ немъ никакой ереси. И справедливо. Двуперстіе старообрядцевъ служитъ для выраженія слѣдующихъ догматическихъ истинъ: сложенные въ немъ вмѣстѣ три перста—великій да два малыхъ—для выраженія вѣры во Св. Троицу; два перста—вышній да средней великій, сложенные вмѣстѣ и простерты—для образованія двухъ естествъ во Христѣ—Божества и Человѣчества; малое наклоненіе велико-средняго—„снтіе на землю нашего ради спасенія“. Но развѣ аѳонскіе старцы отвергали эти догматы—не вѣрили въ Троицу, не исповѣдывали І. Христа во двухъ естествахъ—въ Божествѣ и Человѣчествѣ и снтіе Его на землю, или извращали ихъ? Надобно полагать, что ни Шаровъ и никто другой изъ старообрядцевъ не рѣшится утверждать это. А если такъ, если аѳонскіе старцы содержали и исповѣдывали эти истины, то ясно, что поступкомъ своимъ они осудили только одинъ способъ двуперстнаго сложенія, только ту видимость, какую собой представляетъ двуперстіе безъ отношенія къ тѣмъ истинамъ, для выраженія которыхъ онъ служить.—Какъ видно изъ разсказа Арсенія Суханова, способъ двуперстнаго сложенія на Аѳонѣ былъ не извѣстенъ, или, по крайней мѣрѣ, не обыченъ, и, какъ таковой, казался старцамъ крайне подозрительнымъ; старцы опасались того, не связываются-ли съ нимъ какія-либо еретическія мудрованія, какъ это легко можно было заключать изъ порядка перстовъ и способа ихъ сложенія, тѣмъ болѣе, что крестив-

шійся двуперстно его распространялъ и уперно отстаивалъ. Очевидно, поступокъ аѳонскихъ старцевъ направленъ былъ къ огражденію чистоты вѣры и православія. А если такъ, то возможно-ли считать его за ересь? Конечно, нѣтъ. И такіе поступки церковію никогда въ ересь не вмѣнялись. Вотъ примѣры, вполне удостовѣряющіе это. Стоглавый соборъ, узаконивши двоеніе аллилуіа, троеніе назвалъ *ересью*: «сія нѣсть православныхъ преданіе, но латинская ересь». А между тѣмъ способъ троенія аллилуіа былъ обыченъ и на Востокъ и въ Россіи, какъ это видно изъ посланія Фотія къ Псковичамъ (Фотій митр. московскій былъ грекъ), помѣщенного въ Макарьевской Ч. Миней (Вып. Озерск. ч. II стр. 170—175, изд. 4-е); да и самъ стоглавый соборъ замѣчаетъ неоднократно, что «во Псковѣ и во Псковской землѣ по многимъ монастырямъ и церквамъ, да и въ Новгородской землѣ по многимъ-же мѣстамъ до-днесь (до соборн. пост.) говорили трегубую аллилуію» (Стогл., гл. 43). А житіе Евфросина, свидѣтельство котораго о способѣ возгласенія нѣсни аллилуіа соборъ принявъ за несомнѣнное и положилъ въ основаніе своего опредѣленія о двоеніи аллилуіа, свидѣтельствуешь даже, что «много въ чудесѣхъ просіяша и въ великихъ знаменіяхъ трояци Божественная аллилуіа» (Вып. Озерск. ч. II стр. 176). Что-же, скажетъ-ли Шаровъ, что Стоглавый соборъ чрезъ это пореченіе трегубой аллилуіа похулилъ Духа Святаго и вналъ въ ересь? Патр. Іоасафъ I отмѣнилъ и порекъ еретическимъ чинъ священническаго погребенія. А между тѣмъ этотъ чинъ во всѣхъ предшествующихъ изданіяхъ потребника признавался преданіемъ Св. Отецъ и, какъ таковой, въ Іосифовскомъ потребникѣ былъ снова положенъ. Что-же, сталь-ли чрезъ это пореченіе Іоасафъ хулителемъ Духа Св. и еретикомъ? Шаровъ этого утверждать не будетъ, конечно. Патр. Филаретъ на томъ, нужно сказать, несправедливомъ основаніи, что уставъ 1610 г. «печаталъ Троице-Сергіева монастыря крылошанинъ черный

Логинъ... безъ благословенія патріарха Гермогена и всего освященнаго собора, и многіе въ тѣхъ уставахъ статьи напечатаны не по апостольскому и не по отеческому преданію, своимъ самовольствомъ», грамотою отъ 10 мая 1633 года приказалъ отобрать изданіе его и сжечь, что и было исполнено. А между тѣмъ этотъ уставъ, какъ видно изъ предисловія къ нему, былъ изданъ съ одобренія и благословенія «крайняго святителя отца отцемъ Киръ Ермогена патр. Московскаго... по совѣту всего освященнаго собора». Тамъ-же въ предисловіи это изданіе названо святымъ дѣломъ, пречестнымъ дѣломъ и свыше сходящимъ дарованіемъ небеснымъ. (Мансѣтовъ «Ц. Уставъ», стр. 313). Что-же, будутъ-ли Шаровъ и старообрядцы за этотъ поступокъ считать Филарета еретикомъ и хулителемъ Духа Святаго? Никонъ Черногорець говоритъ: «и зри Теофила онаго Александрскаго въ колику обрати ся злобу на икони, яко седьмь тысящъ постникъ православныхъ подвижникъ и кльти ихъ съ законными книгами тѣхъ поже. И Божественіи отцы наши не отступиша отъ того, чести же и повиновенія и не исполу, якоже нынѣ зримъ, яко неточію даже до смерти.. (Такт. сл. 22-е л. 137 об. и 138)». И дѣйствительно, церковь не считала Теофила еретикомъ; правила его она помѣщаетъ въ кормчей и руководствуется ими.

Мало того, если смотрѣть на дѣло такъ, какъ смотреть Шаровъ; то пришлось бы считать еретиками многихъ святыхъ отцовъ, еретическими цѣлыя соборы. Въ Кормчей (л. 637) говорится: «яко единъ Духъ святой дѣйствова въ помѣстныхъ же и вселенскихъ соборѣхъ и подобаетъ даже до кончины вѣка христіаномъ божественная тѣхъ хранить правила». А между тѣмъ, какъ мы уже видѣли, нерѣдко правила одного, предшествующаго собора, даже вселенскаго измѣнялись или отмѣнялись правилами другого, послѣдующаго. Иногда даже и изрекалась при этомъ анаѳема на тѣхъ, кто сталъ бы слѣдовать отмѣненному правилу, какъ, напри-

мѣръ, Лаодикійскій соборъ изрекъ клятву на тѣхъ, кто сталъ бы слѣдовать и правилу Петра и Павла о празднованіи субботы. Что же, развѣ тѣ св. отцы, которые отмѣняли правила какого-либо предшествующаго собора, чрезъ то становились еретиками? Въ частности, развѣ отцы Лаодик. собора, отмѣнившіе правило Петра и Павла и положившіе клятву на тѣхъ, кто сталъ бы слѣдовать ему, чрезъ то стали хулителями Св. Духа? Конечно нѣтъ. Какъ вы слышали отъ Шарова, вкорѣ послѣ того, какъ стали еретиками аѳонскіе старцы, становится еретической и вся вселенская церковь. Таковую, по словамъ Шарова, сдѣлали ее — клятвы Макарія, Никона съ соборомъ 1656 г. и собора 1667 г., положенныя будто-бы на двуперстіе. Не будемъ говорить о томъ, могла-ли, можетъ-ли церковь стать еретической, какъ утверждаетъ Шаровъ (Благовѣстн. Ев. Мѡ. зач. 67), какъ и о другихъ несообразностяхъ, заключающихся въ этомъ положеніи; будемъ прямо говорить о клятвахъ. Шаровъ говоритъ, что Макарій, Никонъ съ соб. 1656г. и соборъ 1667 г. положили клятву на двуперстіе; допустимъ на время, что такъ. Но износя клятву на двуперстіе, они износили-ли ее вмѣстѣ съ тѣмъ и на тѣ догматическія истины, для выраженія которыхъ оно служило и служитъ — на истину о Троицѣ и единеніи двухъ естествъ во Христвѣ? Сказавши, или заявивши эту клятвой, что они отвергають двуперстіе и запрещаютъ другимъ употреблять его, сказали-ли они, что вмѣстѣ съ тѣмъ отвергають и догматъ о Троицѣ и 2-хъ естествахъ во Христвѣ и другимъ запрещаютъ исповѣдывать ихъ? Конечно, ни Шаровъ и никто другой изъ старообрядцевъ не рѣшится это утверждать: и Макарій, и Никонъ съ соборомъ 1656, и соборъ 1667 г. исповѣдывали и проповѣдывали эти истины (какъ будетъ сказано сейчасъ ниже, самыя-то клятвы Макарія и собора 1656 г. были вызваны пастырскою ревностью ихъ оградить означенныя истины отъ искаженія). А въ такомъ случаѣ, если-бы клятвы и

дѣйствительно были положены на двуперстіе, онѣ, по доказанному, не представляли бы собою грѣха ереси. Но справедливо ли и то, что Макарій ант., Никонъ съ соборомъ 1656 г. и соборъ 1667 года положили клятвы на двуперстіе? Изъ относящихся сюда историческихъ данныхъ (соборн. „Вопроса“ Никона, „Отвѣта“ на него Макарія, „Слова отвѣщательнаго“, кн. соборныхъ дѣяній) видно, что и это не справедливо. Изъ „Вопроса“ Никона видно, что побудило его поднять вопросъ о перстосложеніи. Въ немъ Никонъ говоритъ: „*воздвизаютъ убо пѣции въ насъ прою*, како персты имѣти десницы и вообразати на лицѣ знаменіе креста“. Одни утверждаютъ, что для крестнаго знаменія нужно слагать три великіе персты, другіе же, — что должно креститься двуперстно; при этомъ о первыхъ замѣчаетъ, „ихъ же мнимъ добрѣ творящихъ, а о вторыхъ, на которыхъ преимущественно и обращаетъ вниманіе Макарія, сомнѣвается, могутъ-ли они тремя *неравными* перстами, слагаемыми во образъ Св. Троицы правильно выразить ученіе о Ней. Три лица Св. Троицы равны между собой, между тѣмъ какъ персты, слагаемые для выраженія мысли о Троицѣ, равенства не имѣютъ. Сомнѣвался, далѣе, и въ томъ удобно-ли при трехъ слагать еще и два перста — указательный и великосредній — для выраженія мысли о воплощеніи Богочеловѣка: „да невозмнится кому четвертое лицо въ составѣхъ имѣти“. Указывая на отмѣченныя несовершенства и недостаточность двуперстія, а болѣе всего на свои опасенія, ими вызываемыя, Никонъ обращается къ посредничеству Макарія и предоставляетъ ему, какъ челоуѣку постороннему и авторитетному, засвидѣтельствовать, насколько несовершенства двуперстія важны, серьезны, а опасенія его основательны и резонны (Скриж. 1656 г. стр. 753—765). Макарію крайне страннымъ казалось то, что рядомъ съ троенерстіемъ, обычаемъ древнимъ и принятымъ всею православною церквію, на Руси „нѣци“ употребляютъ

и двуперстіе, а главное то, что изъ за-него „воздвизаютъ прию“, настаивая на томъ, что единственно православное и спасительное сложеніе перстовъ,—есть двуперстное. Онъ предположилъ: а) что двуперстіе русскими ревнителями его заимствовано, и б) что двуперстники соединяютъ съ нимъ какія-то неправыя мудрованія. А такъ какъ онъ хорошо зналъ, что двуперстіе употребляли въ то время еще только армяне и выражали имъ несторіанское заблужденіе, преданное анаемѣ церковію, то онъ и предположилъ, что русскими отъ армянъ двуперстіе и заимствовано и, какъ у тѣхъ, служитъ къ выраженію той-же несторіанской ереси. Предполагать это онъ имѣлъ тѣмъ большее основаніе, что и самъ Никонъ въ своемъ „Вопросѣ“ опасался этого. Опасеніе этихъ неправыхъ мудрованій, которыя ревнители двуперстія могли соединять съ нимъ или, употребляя его, могли подавать поводъ къ нимъ не свѣдующимъ, и побудило Макарія отнестись такъ строго къ крестящимся двуперстно,—чтобы устранить всякій поводъ къ неправымъ мудрованіямъ, онъ и изрекъ клятву на крестящихся двуперстно. Ясно, стало быть, что Макарій проклиналъ двуперстниковъ не за двуперстіе, а за тѣ ереси, которыя, какъ онъ предполагалъ, они соединяли съ нимъ, и ереси уже осужденныя церковію. Что именно такъ нужно понимать отвѣтъ Макарія, это съ очевидностью доказывается тѣмъ, что такъ его поняли и Никонъ, и соборъ 1656 года. На основаніи между прочимъ этого „отвѣта“ п. Никонъ на соборѣ 1656 г. высказался съ своей стороны о двуперстіи, но опять собственно не о сложеніи перстовъ, а о томъ ученіи неправославномъ, которое можетъ соединиться съ нимъ и къ которому можетъ оно легко подавать поводъ несвѣдующимъ. «Всячески по всему не прие́млется церковію сіе преданіе его (Еѳеодорита, на слово котораго ссылались и ссылаются двуперстники), яко неправѣ сказуетъ обоа таинства: ни въ тріехъ бо перстахъ, водвою, глаголю, малыхъ и великомъ пальцѣ исповѣдуется добрѣ

Св. Троицы таинство, ниже во дву, указательномъ глаголю, и великосреднемъ извѣщается употребительнѣ таинство воплощенія Божія слова; яко въ трехъ убо предреченныхъ перстахъ по его мудрованію велие неравенство обрящется Св. Троицы“, а мудрствовать неравенство во Св. Троицѣ значить „Арію послѣдовати,—яко же и онъ, умаляти Сына отъ Отца“. Въ двухъ же перстахъ по его мудрованію два Сына и два состава о единомъ Христѣ Бозѣ вознепщуется имѣти, и будетъ посему Несторію еретику помогати, и затѣмъ, чтобы показать, что онъ не противъ двуперстія собственно вооружается, а противъ тѣхъ ересей, которыя могутъ соединяться съ нимъ прибавляетъ, „якоже и Θεодоритъ, иже (аще есть писавый сіе преданіе) Несторію помогая внигда на Кирилла Александрскаго клевета писа и на правую вѣру на третьемъ соборѣ иже во Ефесѣ, якоже пишетъ о несторіевѣ ереси въ дѣяніи третьяго собора въ началѣ книги Кормчій на листѣ осьмомъ, печатанныя на Москвѣ 158 лѣта, и о Θεодоритовѣ ложномъ писаніи въ дѣяніи пятаго собора въ той же книзѣ на листѣ 12“. Но особенно ясно это изъ замѣчанія его о крестящихся двуперстно: „аще кто два простертая и велико средняя перста имать въ крестномъ изображеніи слагати... всячески по всему неприлично творить, сопротивное-же паче“. Почему? „Два бо сына образовати будетъ, единого отъ Отца, а другого отъ Матере рожденна и два лица исповѣдывати, якоже и Несторій“ и потомъ въ поясненіе своихъ словъ прибавляетъ: „но церковь святая православная сію *ересь* проклинаетъ“. Такъ же понималъ этотъ „отвѣтъ“ Макарія и соборъ 1656 г. и соотвѣтственно этому и свое проклятіе полагаетъ не на двуперстіе, а на тѣ заблужденія, которыя могутъ быть соединяемы съ нимъ, какъ это ясно изъ ссылки его на III и V Всел. соборы (Скриж. „Слово отвѣщ.“ л. 1—16 об.). И подозрѣнія Никона, Макарія, собора 1656 г. что двуперстники съ двуперстіемъ связываютъ неправыя мудрованія, были не без-

основательны. Ѳеодоръ діаконъ объ Аввакумѣ и Лазарѣ свидѣтельствуеть, что они „начали Троицу на трехъ престолѣхъ исповѣдовати, и триботну и трисущну глаголють...; а Христа на четвертомъ престолѣ сѣдяща и самого существа Божественнаго въ Немъ не исповѣдуютъ, но и силу и благодать отъ сыновни ипостаси излившуся въ двѣицу глаголють, а самое де существо сыновне и Духа Святаго съ небесе на землю никогда не сходитъ, но сила и благодать посылается“. Эти и нѣкоторыя другія неправильныя мысли отцы нынѣшнихъ старообрядцевъ не про себя только содержали, но распространяли среди своихъ послѣдователей, въ народѣ; но что всего важнѣе въ данномъ случаѣ, такъ это то, что *связывали ихъ именно съ двуперстіемъ*. Тотъ же дьяконъ Ѳеодоръ, умоляя вѣрныхъ братій (т. е. ревнителей старыхъ обрядовъ) оставить зломудріе Аввакума и Лазаря и прямо имѣя въ виду указанія п. Никона на неправыя мудрованія, соединяемыя съ двуперстіемъ, указанія сдѣланныя имъ въ „Словѣ отвѣщ.“, говорить: „по вашему нынѣшнему мудрованію и въ правду такъ два Сына будутъ, по Несторію зловѣрному, еже глаголетъ въ трехъ лицѣхъ Св. Троицы самое существо во Отцѣ и Сынѣ и Св. Дусѣ, а во Христѣ не самое существо глаголете“. *И на крестное Христово змиеніе въ сложеніи перстовъ велію хулу сами наносите тѣмъ неразуміемъ и новоложнымъ толкованіемъ своимъ*. Никонъ врагъ Божій... покленалъ и оболгалъ напрасно церковное оное правое сложеніе перстовъ въ старыхъ книгахъ называли несторіанствомъ не смысла... Сіе ваше зловѣріе и дуракъ узнаеть, яко два Сына исповѣдуете“. (Мат. для ист. раск. т. VI, стр. 96, 134—136).

Не на двуперстіе были положены и клятвы собора 1667 года. Онѣ положены на хулителей и непокорниковъ православной церкви. Соборъ 1667 года, какъ это видно изъ акта его, представляетъ собою продолженіе и завершеніе собора 1666 года, собраннаго съ тѣмъ, чтобы положить ко-

нець распространенію раскола. Засвидѣтельствовавши своимъ авторитетнымъ голосомъ, что клеветы, хуленія раскольниковъ на церковь есть плодъ ихъ невѣжества и не имѣють рѣшительно никакихъ основаній, соборъ заповѣдалъ всему духовенству и всѣмъ православнымъ христіанамъ покоряться „во всемъ безъ всякаго сумнѣнія св. восточной церкви“ и въ частности, въ противовѣсъ главному основанію клеветы на церковь со стороны расколуучителей, дѣлаетъ постановленіе о всеобщемъ введеніи въ церковное употребленіе новоисправленныхъ богослужебныхъ книгъ и обрядовъ, какъ право исправленныхъ; а чтобы оградить это постановленіе отъ нарушеній, изрекаетъ клятву на тѣхъ, кто не пожелалъ бы послѣдовать ему, подобно тому, какъ Лаодикійскій соборъ изрекъ анаѹему отъ Христа на тѣхъ, кто не сталъ бы слѣдовать сдѣланному имъ постановленію о томъ, чтобы вѣрныя не праздновали субботу. (Кн. соб. дѣян. гл. I, стр. 203—220 въ Мат. для Ист. раск. т. II, сн. Лаод. соб. пр. 29 по прав. св. помѣстн. соб. съ толков. стр. 240). Что клятвы собора 1667 г. были положены на неокорниковъ, это свидѣлствуютъ и сами патріархи, присутствовавшіе на немъ въ своей грамотѣ къ словецкимъ бунтовщикамъ: „нынѣшній соборъ, пишутъ они въ ней, который начатъ въ прошломъ 174 году до подтвержденія насъ, святѣйшихъ патріарховъ, его же мы подтверждаемъ, не о вѣрѣ былъ, но на мятежниковъ и раскольниковъ св. соборной апостольской церкви (Мат. для истор. раск. т. III, стр. 293—294). А если такъ, то гдѣ же тутъ ересь? Викторъ (папа) клятвѣ „предаде (асійскихъ епископовъ) и отъ соединенія и общенія церкви святыхъ отѣче“ за несогласіе ихъ слѣдовать тому обычаю праздновать пасху, какому слѣдовала римская церковь (Барон. лѣто 198-е. ч. 2, 3); папа Стефанъ предавъ клятвѣ св. Кипріана за несогласіе послѣдняго въ вопросѣ о чинопріемѣ еретиковъ, (Барон. лѣто (258-е, ч. 3—4, л. 160 и об. сн. кн. о Вѣрѣ 199 и об.); и однакоже ни тотъ, ни другой

через то не были еретиками и таковыми церковію не признавались.

Шаровъ.—Правда, если-бы Макарій, Никонъ съ соборомъ 1656 г. и соборъ 1667 г. клятвами своими хотѣли только оградить отъ нарушеній свои постановленія относительно новоисправленныхъ чиновъ и обрядовъ, тогда онѣ дѣйствительно не составляли-бы ереси; но дѣло въ томъ, что клятвы ихъ имѣли и другое значеніе. Заповѣдавши со страшными клятвами содержать новоисправленные чины и обряды, Макарій, Никонъ съ соб. 1656 г. и соборъ 1667 г. тѣмъ самымъ возвели ихъ на степень неизмѣнныхъ догматовъ вѣры, а это и есть ересь. Максимъ грекъ говоритъ: „иже кто наказанъ бывъ и своему лживому мнѣнію крѣпцѣ прилѣпляется, и противу истинѣ жестоцѣ глаголетъ безъ надежды исправленія, таковой еретикъ есть по божественному апостолу и Златоусту, глаголющимъ: еретикъ есть, кто лживому мнѣнію своему послѣдуетъ“ (сл. 78). То же, самое говорится и въ кн. Альфа и Омега (стр. 187—188).

Миссіонеръ.—Шаровъ указываетъ еще новую ересь которую содержитъ церковъ по его словамъ. Но и этой ереси церковъ не содержитъ. Съ того самаго момента, какъ стала существовать расколъ, все усилія и заботы свои церковъ направляетъ къ тому, чтобы доказать и разъяснить старообрядцамъ, что они глубоко заблуждаются, когда придаютъ т. н. старымъ обрядамъ и обычаямъ церковнымъ догматическое значеніе, считаютъ ихъ неизмѣнными, что обряды—не догматы, не вѣра, что они всецѣло переданы въ распоряженіе церкви, что по благословнымъ винамъ она можетъ ихъ измѣнять. Еще Никонъ, отвѣчая однажды на слова Неронова: „иностранныя (греческія) власти нашихъ служебниковъ (старыхъ) не хулятъ, но и похваляютъ“, говорилъ: «обои де добры (т. е. и старопечатные и новоисправленные)—все де равно, по коимъ хочешь, по тѣмъ и служишь» и желая примириться съ Нероновымъ готовъ

былъ сдѣлать ему въ этомъ отношеніи всякое снисхожденіе. И извѣстно, что Нероновъ въ своей Игнатьевской пустыни, дѣйствительно, служилъ по старымъ книгамъ (Мат. для ист. р. I, стр. 242). Мало того, Никонъ по желанію Неронова, когда тотъ бывалъ въ Успенскомъ соборѣ дозволялъ даже здѣсь при себѣ двоить аллилуіа (тамъ-же I, стр. 157 и далѣе). Такъ же смотрѣлъ на обряды и соборъ 1667 г. Въ соборн. свиткѣ при служебникѣ 1667 г. онъ прямо свидѣтельствовалъ, что, одобриши новоисправленные книги и обряды, онъ и не думаетъ оставлять «своея страны чинъ и обычай», напротивъ, желаетъ «благотѣльная любезнѣ содержати», и прежнія исправленія «не оуждаетъ», а желаетъ только «возвести на вѣщій совершенія степень». Тоже самое почти можно читать и въ 10 гл. кн. соб. дѣяній 1667 года. Въ частности, о перстосложеніи въ кн. „Жезль“, одобренной этимъ соборомъ, сказано только, что троеперстіе совершеннѣе выражаетъ ту мысль, для которой служить перстосложеніе; но при этомъ нисколько не оуждается и двоеперстіе (Возобл. 21 на Никиту л. 60 об. и 61). Объ осмиконечномъ крестѣ въ Жезлѣ сказано даже такъ: „Не точію осмиконечный цѣлуемъ, но и сей четвероконечный почитаемъ“ (Возобл. 23 на Ник. стр. 65). Можно-ли послѣ этого утверждать, какъ утверждаетъ Шаровъ, что новоисправленнымъ чинамъ и обрядамъ церковь придавала и (придаетъ) догматическое значеніе? Нѣтъ, не церковь, а старообрядцы, повторяю снова, виноваты въ этомъ, что подтверждаютъ и эти бесѣды. Не Шаровъ ли все время изъ силъ выбивался—выдумывалъ разные хитрые доводы, чтобы доказать, что чины, обряды и обычаи церковные, въ частности двуперстіе, имѣютъ догматическое значеніе и рѣшительно ни въ чемъ не измѣнены, что церковь произведши въ нихъ нѣкоторыя измѣненія, чрезъ то стала еретической? И если теперь онъ отказывается отъ того, что съ такимъ упорствомъ защищалъ все время и, мало того, вмѣ-

няеть то уже въ ересь церкви, то этимъ ясно свидѣльствуетъ, что церковь никакихъ ересей не содержала и не содержитъ, что старообрядцы никакихъ основаній къ отдѣленію отъ нея не имѣли и не имѣютъ, а если при всемъ томъ отдѣлились отъ церкви, то справедливо и осуждены ею, какъ раскольники.

Епарх. миссіонеръ, священникъ *Н. Архангельскій*.

Архіерейскія служенія.

Апрѣля 2, въ первый день св. Пасхи, Преосвященнѣйшій Николай служилъ утреню и Божественную литургію въ каедральномъ соборѣ, въ сослуженіи протоіереевъ: каедральнаго А. Метаніева, ключаря І. Ивановскаго, П. Александровскаго, миссіонера священника Н. Архангельскаго и іеромонаха изъ г. Харькова Мелетія.

Въ тотъ же день вечерню Преосвященнѣйшій служилъ въ каедральномъ же соборѣ съ причтомъ его и іеромонахомъ Мелетіемъ. Проповѣдь говорилъ ключарь протоіерей І. Ивановскій.

Апрѣля 3, во второй день св. Пасхи, Преосвященнѣйшій Николай совершилъ Божественную литургію въ Крестовой церкви съ братією ея.

Апрѣля 4, въ третій день св. Пасхи, Преосвященнѣйшій служилъ Божественную литургію въ Кивовійской церкви съ братією ея.

Апрѣля 5, въ четвертый день св. Пасхи, Преосвященнѣйшій Николай совершилъ Божественную литургію въ женскомъ монастырѣ, въ сослуженіи протоіереевъ: каедральнаго А. Метаніева, І. Позднева, А. Фіолетова и ключаря І. Ивановскаго.

Апрѣля 8, въ субботу св. Пасхи, Преосвященнѣйшій совершилъ Божественную литургію въ Крестовой церкви съ братією ея.